

Лебедева Наталья Александровна

ИДЕИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Как известно, XVIII век в русской культуре был периодом наибольшего приближения к западным нормам. При Петре I появляются новая государственная идеология и "государственная религия", теоретическое обоснование которым дал соратник монарха Феофан Прокопович. В рамках проблемы определения социокультурных ценностных ориентаций отечественной культуры XVIII века автор статьи исследует идеи государственности и патриотизма в творчестве знаменитого иерарха.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 108-111. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 261.7

Как известно, XVIII век в русской культуре был периодом наибольшего приближения к западным нормам. При Петре I появляются новая государственная идеология и «государственная религия», теоретическое обоснование которым дал соратник монарха Феофан Прокопович. В рамках проблемы определения социокультурных ценностных ориентаций отечественной культуры XVIII века автор статьи исследует идеи государственности и патриотизма в творчестве знаменитого иерарха.

Ключевые слова и фразы: государственность; патриотизм; веротерпимость; просвещенный абсолютизм; прагматизм; Духовный регламент.

Наталья Александровна Лебедева, к. филос. н., доцент
Кафедра теории и истории культуры
Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
LebedevaNA2008@yandex.ru

ИДЕИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА[©]

В течение XVII века в структуре государственного аппарата и Церкви происходили преобразования, свидетельствовавшие о том, что Россия встала на путь прогресса и европеизации. Но только реформы Петра I явились тем переломом в отечественной культуре, который привел к коренным изменениям во всех её отраслях. Вместе с тем в российской действительности XVIII века происходит не окончательный разрыв с прошлым, а вырабатывается новая парадигма развития на основе синтеза традиций и трансформированных на русскую почву идей Нового времени. Особенно это заметно в изменении официальной идеологии, государственно-религиозной модели. И в этом смысле суть перелома, согласно известному церковному историку А. В. Карташеву, заключалась «в отрыве от обветшавшей формы средневековой теократии не только в ее острой форме римского папо-кеесаризма, но и в смягченной форме византийского кесаро-папизма» [1, с. 314]. Как точно заметил Ю. М. Лотман, в России создавалась «светская религия государственности» со «своеобразной деспотической демократичностью» [2, с. 40, 51], когда светская идеология требовала религиозного поклонения.

Феофан Прокопович теоретически обосновал все петровские реформы в своих сочинениях: «Духовный регламент» (и дополнения к нему); «Слово о власти и чести царской», «Розыск исторический». Он создает имперский вариант теории российской государственности. Основываясь на просветительских концепциях Г. Гроция и С. Пуфендорфа и применяя идею о «естественных правах», мыслитель выступал за «верховную, высочайшую и крайнюю власть» монарха, не подлежащую никаким человеческим законам. Правитель имеет «не токмо достоинство превысшее», но и «власть законодательную, крайне действительную, крайний суд, износящую, повеление неотрицаемое издающую, а самую никаковым же законом не подлежащую» [7, с. 31], так как «первыя власти начало от человеческого сословия и согласия происходит; обаче понеже естественный закон на сердце человеческого требует себе сильного защитника...» [9, с. 247]. Государство в лице просвещенного монарха должно было обеспечивать «всенародную пользу», заботиться о «добре общем», а общество – служить и повиноваться монарху, «яко богу самому». Хотя концепция Феофана Прокоповича исключала договорную ответственность правителя перед народом и заставляла общество «уповать» на действительно просвещенного монарха, она строилась на идее века Просвещения о взаимных обязанностях между властью и подданными.

Если у Т. Гоббса для первоначального состояния людей характерна «война всех против всех», то у Феофана Прокоповича народ существовал до установления государственной власти то в мире, то в войне. Народ без власти жить не может, его постоянно обуревают страсти – ярость, злость, коварство, ложь, которые неизбежно приводят к войнам. Поэтому и необходима единоличная власть для «обуздания» народа, чтобы люди «взаимным друг друга нападением не истребили себя все до единого». Если бы не было контролирующей государственной власти, то люди не удержались бы от пагубных соблазнов. «Которого бы из них не подняла гордость подвергати себе прочих и поработати? Которого бы из них не возьярило сластолюбие своя убивати, а чуждыя отнимати жены, и похищати дщери? Которого бы из них не поджегло любоимение нападати на другого земли и воды, на скот, на пожитки, на домы?» [Там же, с. 76].

Народ по всеобщему согласию избирает форму государственного правления. Для Феофана Прокоповича наилучшей является наследственная монархия как воля народа: «Согласно вси хошем, да ты (монарх) к общей нашей пользе, владеши над нами вечно, то есть, понеже смертен еси, то да по тебе, ты же сам впредь да оставляши нам наследного владетеля: мы же единожды воли наша совлекшея, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей употреблять ни будем, но как тебе, так и наследникам твоим по тебе повиноватися клятвинным обещанием одолаемя, и наших по нас наследников тымжде долженством обяуем» [7, с. 41]. Поэтому для России полезным и нужным выступает самодержавие: «многополезно есть Российскому государству владычество самодержавное, прозванное от философов еллинских монархия и монархия: а прочия правления формы, или образы, то есть многоличное вельможей правительство, нарицаемое аристократия, или всенародное звоемое димократия и другия из них составы, творимыя, были бы у нас без бедствия» [9, с. 193]. В подтверждение монархической наследственной формы правления мыслитель приводит

примеры из истории ассирийского, персидского и египетского царств, а также современных ему европейских государств – Англии, Дании, Швеции. Но философ предостерегает от диктатуры, так как это «власть всемогущая и лютая, и паче монаршества страшнейшая» [Там же, с. 101].

Избранный монарх заботиться о долгосрочных государственных делах не будет, т.к. он чувствует себя временным, а наследный монарх «о целостности и добром состоянии государства прилежно печется, яко о домашнем добре своем, желая наследникам крепкую власть и славу оставить» [7, с. 60]. Аристократическая форма правления неприемлема для мыслителя, особенно опасным в ней выступает период между царствами, когда в борьбе за власть от одного уголька «возгарается пожар» и бывает, что пламя «уже и по избрании Государа долго не гаснет; всякому бо желательно есть государствовати...» [9, с. 107]. Образуются различные политические фракции, и Отечество становится подобным или «ризе разодранной», или «телу растерзанному», или «дому разломанному». Междоусобицы князей никогда не способствовали укреплению государства. При демократии или «народодержавстве» наступают трудности еще более «тяжчайшие»: без самодержавной власти часто бывают мятежи и «смуты народные» [Там же, с. 197].

Власть монарха – верховная, высочайшая и крайняя власть, она абсолютна и начало свое «приемлет... от самого Бога». «Самодержцы законам человеческим не подлежат» [7, с. 37], по мыслителю, им подчиняется все на управляемой ими территории, в том числе и религиозная сфера. «Может Монарх Государь законно повелевати народу не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все что ему ни понравится: только бы народу не вредно, и воли Божией не противно было. Сюды надлежат всякие обряды гражданския и церковныя, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях...» [Там же, с. 52]. Правитель может завещать престол любому из своих детей, тому, кого посчитает наиболее достойным. Феофан Прокопович приводит свидетельства для данного утверждения из Священного Писания, ссылается на Г. Гроция, Цицерона, на законодательство Юстиниана. Пытаясь защитить Петра I от осуждения потомками казни Алексея Петровича, он писал: «Бывают же силы таковые, которым лучше было не родиться, не токмо непокоривыи, но и родителей к смертной печаль и бедство вводящии, не токмо Отечеству весьма непотребныи, но и вредныи, и потому или лучше бы не жити им, или? Лучше жити в скудности уставленным, нежели в довольстве содержимым...» [Там же, с. 5].

Обязанность монарха – попечение над внутренними и внешними делами государства. Он должен выполнять в политической жизни страны такую роль, какую в человеческом теле играет голова, и управлять, чтобы тело «не приходило в бедствие», а законы служили пользе всего народа. «Царей должность есть... содержать подданных своих в беспечалии, и промышлять нам всякое лучшее наставление как к благочестию, так и к честному жительству. Да будут же подданныи в беспечалии, должен Царь пешица, да будет истинное в Государстве правосудие, на охранение обидимых от обидящих подданных себе: також да будет крепкое и искусное воинство, на защищение всего отечества от неприятелей: а что бы было и всякое лучшее наставление, должен Царь смотреть, чтоб были искуснии учителя, как духовнии, так и гражданския, доволное число» [Там же, с. 37]. Народ должен повиноваться монарху «без прекословия и роптания», «должен терпеть... нестроение и злонравие», так как существует воля Бога и воля народа, посредством которой народ первоначально избрал самодержавное правление. Кто не подчиняется державной власти, народ или человек, тот «противится Богу самому».

В 1721 году правительство особым Манифестом, сочиненным Феофаном, разрешило шведам и всем народам, ранее состоявшим на службе у шведского короля, жениться на русских и иностранках на территории Российской империи. До XVIII столетия известен всего один случай, когда лютеранин женился на православной. По Манифесту шведы могли служить свободно в коллегиях, подтверждались звания и достоинства знатных шведов, но чтобы остаться в России, надлежало учинить присягу на подданство, которую давали в присутствии духовных лиц. Наблюдение за исполнением данного закона Святейший Синод вменил в обязанность православным священникам. В Петербургской типографии отпечатали сочиненное Феофаном Прокоповичем послание к населению с объяснением причин, по которым разрешили браки между иностранцами других христианских исповеданий, то есть и католиками, с православными, и разослали его ко всем епархиальным архиереям.

Таким образом, «великая двоица» разрешила браки между иноверными и православными. Фактически этот закон лишь подтвердил то, что уже имело место. Петр I видел Россию одной из ведущих европейских держав, а для достижения этой цели очень подходили мелкие германские княжества, слабые в военном отношении, но имевшие родственные связи с европейскими дворами. Император в рамках государственной политики заключил серию и династических браков.

Вопрос о монашестве и монастырях освещался Феофаном Прокоповичем в двух работах: «Духовный регламент» и в специальном документе «Объявление, когда и коей ради вины начался чин монашеский и каковой был образ жития монахов древних, и како нынешних исправить, хотя по некоему древним подобию надлежит». Иерарх писал, что монашество изначально возникло из любви к уединению, но в ходе исторического процесса монастыри становились не обителями милосердия, а крупными монастырями – вотчинами. Монашество, появившееся в России из христианских побуждений, впоследствии превратилось в сборщика «денежных помочей» и в обиталище тунеядцев, «трудами других туне питатися». Цель мыслителя – «исправление чина монашеского», а не его «раззорение», монастыри должны были встать на службу государству. По предложению иерарха, при монастырях создавались училища, где обучались дети-сироты, а монахи работали учителями, писали учебники для школ, переводили книги на русский язык. Женским монастырям предлагалось заниматься ремесленным производством и иметь детские приюты для девочек-сирот. Настоятели монастырей не должны были принимать в монахи никого до 30 лет, должников, скрывающихся от суда, и беглых солдат.

Наибольший протест со стороны духовенства вызывала необходимость присяги по Уставу Духовной коллегии. На наш взгляд, самым негативным в «Духовном регламенте» было положение о разглашении тайны

исповеди. «Если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое неслеланное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену, или бунт на Государя, или на Государство, или злое умышление на честь, или здравие Государево, и на фамилию Его Величества... то должен духовник не тако его за прямо исповеданныя грехи прощения и разрешения не сподоблять (не есть бо исповедь правильная, аще кто не всех беззаконий своих кается), но и донести вскоре о нем, где надлежит» [6, с. 70]. Также священники должны были доносить о чудесах и колдовстве. Феофан Прокопович выступает против невежества и подчеркивает, что не наука является причиной ересей. По «Духовному регламенту» каждый епископ должен был при архиерейском доме содержать школу для детей священников, после выпуска они могли стать священниками или принять постриг и быть избранными в сан архимандритов или игуменов. Протопопы и богатые священники обязывались присылать детей своих в академии. Иерарх предлагал внесословный принцип образования – принимать в школы детей дворян, детей духовенства и детей солдат.

Еще при жизни Петра I Феофан начал осмысливать значение перемен в государстве, вызванных деятельностью императора. В «Слове похвальном...», произнесенном 28 октября 1716 года, он призывал слушателей обрывать взор вокруг и оценить «творения» монарха за двадцатилетнее правление. На месте хижин появились «палаты светлые», крепости имеют такой вид, «каковых и фигур на хартиях прежде не видели», образованы губернии, составлено новое законодательство, появился военно-морской флот, престиж отечества на мировой арене повысился до такого уровня, что теперь все иностранные державы ищут дружбы с Россией. Но самое главное, что «уже и свободная учения полагают себе основания, идеже и надежды не имяху, уже арифметическая, геометрическая и прочия философская искусства, уже книги политическая, уже обоей архитектуры хитрости умножаются» [9, с. 111]. Петр «обрел» деревянную Россию, а «сотворил» золотую, он изменил ее и внутренне, и внешне. Петр I – идеал монарха для Феофана, поэтому крик отчаяния и боли слышится нам в «Слове на погребение Петра Великого»: «Что се есть? До чего мы дожили, о Россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? Ах как истинная печаль! Ах как известное нам злочючение!» [Там же, с. 127]. Великий человек оставил свой народ, но «оставленным оставил нам неисчетная богатства своя и различныя дарования: ово во учении и образе, ово же и в содеянных делах великих и безчисленных» [Там же, с. 138]. «Петр слава наша, которую до скончания мира Российский род хвалитися не престанет» [Там же, с. 144]. Две «силы» характеризуют петровское время – «народная польза» и «беспечалие». Польза – в открытых коллегиях, заводах, монетных домах, аптеках, в прокопанных каналах и военном флоте. «Беспечалие» – в пресечении всякого «злодейства» через суд и «обиды» подданных через фискалов.

Феофан Прокопович был образованнейшим человеком своего времени, но иногда из-за огромной любви, уважения и восхищения императором он приносил в жертву истину. М. М. Щербатов открыто называл сочинение «Правда воли монаршей» «памятником лести и подобострастия» монаха перед государем. Прот. Г. В. Флоровский в своей известной работе «Пути русского богословия» писал, что Феофан – «типический наемник и авантюрист», похожий на наемников, которых много было на протестантском Западе, что иерарх «пишет всегда точно проданным пером» [10, с. 90]. В имперской теории российской государственности мы видим сочетание двух полярных традиций, подтверждающих антиномичность русской культуры XVIII века. С одной стороны, природа государства объясняется не ссылками на Священное Писание, а «естественным законом»; а с другой стороны, появляется договорная форма государства, но в русле византийской традиции сохраняется ответственность власти, в первую очередь, не перед народом, а перед Богом. Формами государственного правления могут быть демократия, аристократия или монархия, но для Феофана наилучшей формой правления является наследственная монархия. Правитель обязан сохранять свободу и независимость отечества, способствовать росту его авторитета и славы и стремиться к достижению всеобщего блага и всеобщей пользы. Изменения в экономической, социальной и культурной сферах общества вызвали потребность переосмысления прежнего идеала – патриархально-православного. Вектор поиска канонов идеала смещается в сторону государственного, инициаторами которого выступали первые лица государства. Этот идеал наполняется конкретными характеристиками, что находит отражение в законодательных актах и в творчестве мыслителя. Патриотизм Феофана Прокоповича – государственный, акцентированы чувство долга и осознание гражданских обязанностей по отношению к государству, а также готовность жертвовать личными интересами ради интересов государства.

Список литературы

1. **Карташев А. В.** Очерки по истории русской церкви: в 2-х т. М.: Терра, 1992. Т. 2. 558 с.
2. **Лотман Ю. М.** Идеи общественного развития в русской культуре // Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 830 с.
3. **Панченко А. М.** О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.
4. **Смирнов В. Г.** Феофан Прокопович. М.: Сортник, 1994. 224 с.
5. **Феофан Прокопович.** Богословские сочинения. СПб.: Типография Шляхетного Кадетского корпуса, 1774. 274 с.
6. **Феофан Прокопович.** Духовный регламент. М.: Синодальная типография, 1776. 112 с.
7. **Феофан Прокопович.** Правда воли монаршей в определении наследника державы своей. М., 1722. 90 с.
8. **Феофан Прокопович.** Рассуждение о безбожии. М.: Вольная типография И. Лопухина, 1784. 56 с.
9. **Феофан Прокопович.** Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные, собранные и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанные: в 3-х ч. СПб.: Типография Шляхетного Кадетского корпуса, 1760-1765. 876 с.
10. **Флоровский Г. В.** Пути русского богословия. Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. 485 с.

STATEHOOD AND PATRIOTISM IDEAS IN THEOPHAN PROKOPOVICH'S CREATIVE WORK

Natal'ya Aleksandrovna Lebedeva, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Culture Theory and History
St. Petersburg State University of Culture and Arts
LebedevaNA2008@yandex.ru

The author reminds that the XVIIIth century in Russian culture was the period of one of the greatest approaches to western norms, mentions that new state ideology and "state religion" appeared under Peter I, which theoretical substantiation was created by the monarch's companion-in-arms Theophan Prokopovich, and studies the ideas of statehood and patriotism in the creative work of the outstanding hierarch within the framework of the problem of determining social-cultural value orientations in the national culture of the XVIIIth century.

Key words and phrases: statehood; patriotism; liberal attitude towards religion; enlightened absolutism; pragmatism; spiritual regulations.

УДК 130.3

В рамках проблемы ценностных ориентаций российской культуры автор статьи исследует любовь как ценностное обоснование нравственности и жизненного пути в наследии святителя Тихона Задонского, одного из выдающихся мыслителей второй половины XVIII века. Заповедь любви обосновывается не только как универсальное христианское требование, но как основа системы ценностных ориентаций человека, необходимой для развития духовного опыта человека, в том числе и современного, в пределах его индивидуальной жизни.

Ключевые слова и фразы: любовь к ближнему; любовь к врагам; ценность; нравственное совершенствование; духовный подвиг.

Наталья Александровна Лебедева, к. филос. н., доцент
Кафедра теории и истории культуры
Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
LebedevaNA2008@yandex.ru

ЛЮБОВЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ И БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ СЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО[©]

Бытие современного человека достаточно хрупко и неустойчиво из-за размытости мировоззренческих ценностных ориентаций и идеалов. Религиозный опыт русской духовной культуры предоставляет нам категориальный инструментарий, позволяющий выработать синтезированную систему качественно значимых духовных ценностей. В процессе комплексного исследования святоотеческого наследия обращение к трудам святителя Тихона Задонского необходимо с точки зрения формирования мировоззрения личности, включенной в историю и культуру Отечества, народа, религиозной и государственной традиций. Как указывал П. Е. Бухаркин, изучение данного наследия «в культурологическом аспекте подводит к самым острым проблемам истории отечественного самосознания» [2, с. 3].

Святитель Тихон Задонский – один из четырех иерархов XVIII века, канонизированных как общецерковно чтимых за два века синодального правления. Петр I «как бы приостановил русскую святость», но культурная традиция, «привычка», согласно которой «у человека и у нации должен быть духовной отец», была не отменена [7, с. 317, 318]. Именно таким духовным отцом еще при жизни стал Воронежский и Елецкий епископ Тихон (Тимофей Савельевич Соколов, 1724-1783 гг.), истинный «возделыватель нивы сердец человеческих, великий светильник Русской Церкви» [11, с. 12]. Почти все его сочинения («Наставление Христианское», «Краткие нравоучительные слова», «Сокровище Духовное, от Мира собираемое», «Об истинном Христианстве», проповеди, письма келейные, переписка с друзьями) были напечатаны сразу по смерти святителя, а в 1826 г. вышло 15-томное полное собрание сочинений. Впервые с научной точки зрения описание жизни мыслителя сделал митрополит Евгений (Болховитинов). Во вступлении к «Описанию жизни и подвигов преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого» мыслитель рассуждает о том, что необходимо сохранять в памяти имя, жизнь, подвиги, деяния, наставления не только известных великих «покорителей народов», но и тех, кто славу свою приобрел «утешением человечества», «умилением исполняет сердце потомков», а пример их добродетели «достоит предавать и потомству как для подражания, так и для славы – сей хотя малой земной им дани, которой в жизни сами они не искали» [6, с. 349]. Прот. Г. Флоровский отмечал, что в «самом языке свт. Тихона очень чувствуется новое время», у него «был великий дар слова, художественного и простого сразу», «он пишет всегда с какой-то удивительной прозрачностью», а в самом